

Николай Михайлович Карамзин

Письмо сельского жителя

Николай Михайлович Карамзин

Письмо сельского жителя

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2978075*

Аннотация

В ряде статей, напечатанных в 1802 году в «Вестнике Европы», Карамзин развивал свои излюбленные мысли о необходимости дворянам-помещикам переехать из города, где они живут расточительно, в деревню и там исполнять долг свой перед крестьянами, быть их защитниками и т. д. Это «Письмо», напечатанное в конце 1803 года от имени сельского жителя (в журнале оно было подписано именем Луки Еремеева), должно было как бы свидетельствовать, что призывы издателя журнала услышаны, что помещики стали понимать свой долг, что в деревне начало сказываться благодетельное следствие крепостного права – все крестьяне трудятся, они богаты и счастливы, и все это только благодаря заботам своего помещика.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Комментарии

Николай Михайлович Карамзин

Письмо сельского жителя

Вы желаете, любезный друг, знать все подробности моего уединения; но мы, деревенские люди, живем так обыкновенно, так просто, что не умеем сказать о себе ничего любопытного и достойного примечания. Только вы, горожане, имеете способ разнообразить свою деятельность и пестрить жизнь вашу ежедневными новостями в планах, надеждах, удовольствиях. Если не всегда можете хвалиться счастьем, то по крайней мере богатеете опытами, наблюдениями, и ваши сутки стоят нашего месяца. Мы в деревне наблюдаем только погоду, и наши записки служат историею не сердца человеческого, а термометра...

Вы назовете это сельскою шуткою – и не обманетесь. Жизнь моя, думаю, счастлива, ибо я доволен ею. Лета, конечно, исцеляют нас от сей душевной лихорадки, от сего внутреннего неизъяснимого беспокойства, которое тревожит молодость; но и самый чистый воздух полей и лесов, самый вид сельской природы не имеет ли также благотворного влияния на сердце и не располагает ли его *физически* к сладкому чувству покоя? Спросите о том у ваших медиков-философов; а я между тем нахожу сие действие вероятным, чувствуя се-

бя как будто бы другим человеком со времени моего приезда в деревню.

Вам известно, любезный друг, что я не бывал мизантропом даже и в таких обстоятельствах, которые могли бы извинить маленькую досаду на ближних; знаете, что я некогда пылал ревностию иметь обширный круг действия, в нескромной надежде на свою любовь к добру и человечеству. Но долговременное ученье в школе опыта и *феруля*^[1], сего жестокого мастера смирили мою гордость – так смирили, что я, оставив все дальнейшие требования на блестящую долю *славных людей*, взялся – за плуг и соху! Подивитесь же теперь чудной игре нашего самолюбия: с сего времени мне кажется, что добрый земледелец есть первый благодетель рода человеческого и полезнейший гражданин в обществе. «Где много героев, там много кровопролития; где много судей, там много ябеды и неправосудия; где много купцов, там много роскоши; но где много пахарей, там много хлеба, – а хлеб есть корень изобилия». Что вы скажете о сем рассуждении? Оно, верно, полюбилось бы китайцам.

Это вступление готовит вас к длинному письму: пеняйте сами на себя! Старики и деревенские жители любят поговорить, когда есть случай; а вы заставили меня взяться за перо, которому уже давно не было дела. Мне хочется, например, дать вам идею о главных моих *сельских подвигах*.

Я вырос там, где живу ныне. Путешествие и служба совершенно раззнакомили меня с деревнею; однако ж, сделавшись

рано господином изрядного имения и будучи, смею сказать, напитан духом филантропических авторов, то есть ненавистию ко злоупотреблениям власти, я желал быть заочно благодетелем поселян моих: отдал им всю землю, довольствовался самым умеренным obroком, не хотел иметь в деревне ни управителя, ни приказчика, которые нередко бывают хуже самых худых господ, и с удовольствием искреннего человеколюбия написал к крестьянам: «Добрые земледельцы! Сами изберите себе начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы и считайте меня своим верным заступником во всяком притеснении». Возвращаясь наконец к пенатам родины, чтобы умереть там, где начал жить, я сердечно утешался приятною мыслию, что найду деревню свою в цветущем состоянии; как поэт воображал богатые нивы, пажити, полные житницы, избыток, благоденствие и сочинял уже в голове своей письмо к какому-нибудь русскому журналисту о счастливых плодах свободы, данной мною крестьянам... Приезжаю и нахожу бедность, поля, весьма худо обработанные, житницы пустые, хижины гниющие!.. С горестным удивлением призываю к себе стариков, которых имена были мне еще с ребячества памятны, – расспрашиваю их и наконец узнаю истину! Покойный отец мой, живучи сам в деревне, смотрел не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотел, чтобы и те и другие были хорошо обработаны, – и в нашей деревне хлеб родился лучше, нежели во многих других; господин богател, и земледельцы не бедне-

ли. Воля, мною им данная, обратилась для них в величайшее зло: то есть в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства, дошедшему с некоторого времени до ужасной крайности как в нашей, так и в других губерниях. Эта язва в здешних, удаленных от столицы местах есть новое явление. живо помня лета своего детства, помню и то, что прежде в одни большие годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая друг друга домашним пивом или вином, купленным в городе. Ныне будни сделались для них праздником, и люди услужливые, под вывескою орла, везде предлагают им средство избавляться от денег, ума и здоровья: ибо в редкой деревне нет питейного дома. К чести некоторых дворян, соседей моих, скажу, что они отвергают выгоды, представляемые им откупщиками, и не дозволяют заводить у себя храмов русского неопрятного Бахуса; но другие не так думают, — особливо те, которые сами в откупах участвуют. Не мое дело осуждать сей легкий и модный способ умножать свои доходы; не смею вообразить, чтобы он был несогласен с достоинством благородного и великодушного патриота: ибо вижу многих почтенных людей, которые прибегают к нему без зазрения совести и хвалятся искусством в сем важном промысле. Мнения и вкусы различны. Однако ж те ошибаются, которые думают, что русские искони любили излишнее употребление вина и что никакая законодательная мудрость не отвратит их от сего порока: он заразил народ только со времен Годунова; сей царь, желая обогатить казну государ-

ственную, умножил число питейных домов;¹

¹ Слова летописца: «Устави же царь Борис в России и пошлину имати со всяких товаров, и мыты, и перевозки, и пиво продавати из казны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...ученье в школе опыта и феруля... – Ферула (греч.) – прут, розга; школа феруля – в переносном смысле – надзор, тяжелый режим. Карамзин имеет в виду переносное значение – школа жизни, тяжелых испытаний и опыта.